

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПАСНОЙ МИР

5

КАПЕЛЛАН

363

ЗАПАСНОЙ МИР

1

Пнули меня от души.

К концу экзекуции командующий ею офицер дошел до белого каления — было от чего. Для начала осужденный заявил, что у него понос и он вот-вот обделается. Смотреть на то, как негодяй осуществляет оный процесс, и тем более обонять конечный результат действия офицеру совершенно не хотелось, потому злодея отвели в туалет, где он скользнул в кабинку и захлопнул за собой дверь.

Охранники тут же потребовали ее открыть, и даже грозно погрохотали в дверь коваными ботинками. Однако в ответ из-за двери донеслись характерные звуки, услышав которые, охранники тут же растратили пыл, и у них пропало желание контролировать процесс. Справив нужду, осужденный потребовал оставить ему питомца. Инструкция на этот счет разъяснений не содержала, и офицер, в общем-то не злой человек, подумав, решил животное пожалеть и приказал отобрать его у осужденного. Это опрометчивое решение вылилось в то, о чем офицер впоследствии пожалел.

Тюремщики, вероятно, никогда не ловили горностая и даже не подозревали, что может натворить это милое и «безобидное» существо. Как-то я видел, как Мирка играет с котом. Тот обладал реакцией куда лучшей, чем у человека, но с горностайкой сделать ничего не мог. Та прыгала

ему на спину, вскакивала ему на голову и, прежде чем кот собирался ее сгребнуть, уже оказывалась на земле.

Один из тюремщиков протянул к Мирке руку, намереваясь ухватить ее поперек живота. Она немедленно спрыгнула на пол и понеслась прочь. Следом, грохоча ботинками, устремились охранники. Они скользили, запинались и падали друг на друга. При этом они пыхтели, сопели и громко ругались. Мирка скакала по головам поверженных, победно стрекотала и радостно щерила зубки. Ей эта кутерьма ужасно нравилась.

Экзекуция стала превращаться в балаган, и офицер наконец-то это сообразил.

— Отставить! — рявкнул яростно. — Пусть забирает свою крысу! Вместе сдохнут!

Хозяин свистнул. Мирка метнулась к его ноге и, цепляясь за кожу коготками, взобралась ему на плечо. Заняв привычное место, чирикнула: «Видел, как я их?!», после чего презрительно стрекотнула.

Охранники, ворча, выстроились у стен, держа оружие наизготовку. Процедура началась, и тут выяснилось, что сломался сканер.

«Осужденный отправляется в Запасной мир без одежды, обуви, имплантов и каких-либо иных предметов и вешней, призванных облегчить ему выживание...» — гласил приговор.

Тусклый, как его жизнь, оператор, прошествовав из кабинки, с минуту копался во внутренностях рамки, после чего заявил:

— Микросхема крякнулась! Надо менять.
— Это долго? — с ненавистью в голосе спросил офицер.
— Поищем на складе, — обнадежил оператор. — Сканер старый, но вдруг найдут?
— А если нет? — сквозь зубы поинтересовался офицер.
— Закажем на базе. Привезут через пару дней, — ответил оператор. В его голосе не чувствовалось уверенности

в благополучном исходе дела. Как поставляют запчасти для тюремной техники, знали все.

Офицер взbledнул и закусил губу. Об исполнении приговора следовало доложить уже сегодня! Времени не оставалось: Запасной мир выйдет из зоны досягаемости к полудню.

Думал он недолго. Импланта у осужденного нет: его извлекли еще по первому приговору, серия и номер чипа есть в деле. Офицер подошел, схватил осужденного за голову, оттянул ему складку за ухом — приемник пуст. Прочие предметы? Так после приговора охрана ни на мгновение не выпускала осужденного из виду. Ведь он мог покончить с собой, а это недопустимо. Убивать человека — прерогатива государства. Перед экзекуцией осужденного раздели и обыскали, заглянув в рот и прочие укромные места, в которых он мог спрятать запрещенные к владению предметы, — ничего не было.

«Идет он на хрен, этот сканер!» — видимо, подумал офицер и гаркнул:

— Включай портал!..

По закону дальше следовало сказать: «Приговор приводится в исполнение!» Однако офицер заменил слова пинком. Мы с Миркой взмыли в воздух и рыбками нырнули в высокую траву. У Мирки это получилось лучше: она приземлилась на лапы. Я пинка не ожидал, поэтому не устоял и пропахал траву животом. Кожу обожгло. Выругавшись, я вскочил и оглянулся. Прозрачный прямоугольник портала таял в прозрачном воздухе. Ну и катитесь!

Я потер ушибленную задницу и осмотрелся. Вокруг, насколько хватало взгляда простирался луг, поросший густой травой. Вдалеке чернела гребенка леса. Я набрал воздуху в легкие и выдохнул. Дышалось легко, куда приятнее, чем в атмосфере Рудника. Вокруг витал аромат цветов, ветерок нес пыльцу и лепестки. Возле розовых

и голубых местных колокольчиков роились насекомые. Лучи желтой звезды в небе ласкали обнаженные плечи.

— Благодать! — заключил я.

Место изгнания преступнику выбирает компьютер. Здесь как повезет. Могут послать в горы, пустыню или заснеженные равнины. Могут — в более приятные места. Планеты без атмосферы, с раскаленной или ледяной поверхностью не используются. Там осужденный гибнет сразу. Это недопустимо: нужно, чтоб помучался.

— А вот хрен вам! — сказал я и полез пальцами в рот. Нашупав обвитую вокруг зuba карбоновую нитку, размотал ее и потянул. Спустя мгновение рвотный спазм скрутил меня пополам. Я переждал, вдохнул и потянул снова. В этот раз пошло легче. Вслед за ниткой из пищевода выскользнул блестящий предмет. Я поймал его и, обтерев о траву, разглядел. В кабинке на это не было времени. Там я такой же нитью вытащил пакет из унитаза и скоренько запихнул его содержимое в горло. Парни не подвели: я держал мультитул из титана. Два ножа, один из которых с серрейторной заточкой, кусачки-пассатижи, пилка, ножницы, напильники, отвертки... Полезная, удобная и в тоже время невероятно компактная и легкая вещь.

Присев на утоптанную траву, я поочередно открыл и осмотрел каждый из аксессуаров. Не столько чтобы разглядеть, сколько из желания полюбоваться. В этот момент из травы выскользнула запропастившаяся Мирка.

— Кого-нибудь встретила? — спросил я.

Горностайка отрицательно чирикнула и уставилась на мультитул.

— Да! — подтвердил я. — Обули мы их, девочка. Как детей.

Я легонько щелкнул Мирку по носу. Та отскочила и обиженно тявкнула.

— Прости! — повинился я. — Это от полноты чувств. Раскаиваюсь и готов загладить. Веришь?

Мирка подумала и стрекотнула.

— Тогда подвинься! — сказал я. — Не то залью!

Я встал на четвереньки и сунул два пальца в рот. Рвотный спазм скрутил тело, но к результату не привел: трава осталась сухой. От завтрака, положенного приговоренному, я отказался: боялся, что вырвет прямо на экзекуции. Зря: сейчас было помогло. Пальцы пошли глубже. Меня крутило и выворачивало, изо рта выплескивались желудочный сок с желчью, но я не отступал. Мирка, отскочив, сочувственно тявкала. Наконец на траве оказались пять шариков, каждый размером с ноготь и крохотный контейнер из пластика. Из шариков торчали хоботки — иглы, закрытые пластиковыми колпачками. Я взял один и прочел маркировку. CID — самое эффективное в моем мире лекарство и самое дорогое одновременно. Как раздобыли его в Руднике, непонятно. А еще мультитул, во время сломавшийся сканер и имплант. «Не переживай, командир! — сказал Родька, сумевший в период следствия попасть ко мне в камеру. — Мы тебя хорошо снарядим...»

Я вытер глаза, затем слону с подбородка и подцепил ногтем крышечку контейнера. Крохотный чип выпал на ладонь. Я оттянул пальцами складку кожи за ушной раковиной, нашупал устье и воткнул чип в приемник. Он щелкнул, встав на замок, и через мгновение перед глазами побежали строчки выполняемых команд. Мозг опознал имплант и теперь настраивал его параметры. Я подождал, пока процесс завершится, и подобрал шприцы. Мультитул примостился во втором кулаке. Мирка, поняв намерения хозяина, прыжком заскочила мне на плечо. Двинулись!

***

К воде мы выбрали к полудню. Сначала я услыхал журчание, затем пахнуло свежестью, и впереди блеснула водная гладь. Сонный ручей плыл между поросших

кустарником берегов. Я протиснулся сквозь ветви, встал на колени и осторожно набрал воды в рот. «Вредные примеси отсутствуют», — сообщил имплант. Природная вода оказалась необыкновенно вкусной. Я вволю напился, после чего отмыл испачканные слюной и желчью шприцы с мультитулом. Мирка, утолившая жажду, с интересом наблюдала за мной. Я подмигнул горностайке, сложил свои сокровища на лист лопуха, сел и коснулся сенсоров на протезах. Зашипел воздух, и культи выскочили из гильз. Можно было не снимать — углепластик не боится воды, но протезы — новые, культи к гильзам не обвыкли, а носки у меня отобрали. Козлы! Как будто эти две тряпочки могли спасти мне жизнь. В Руднике протезы у меня были бионические, у них даже пальцы ног двигались, но в Запасном мире аккумуляторы подзарядить негде. Я потребовал их заменить, и суд с этим согласился. Запасную пару мне сделали по прежним меркам, а тогда культи были чуть толще...

Я встал на четвереньки и заполз в ручей. Прохладная вода сомкнулась над головой. Благодать! Забыл, когда купался в последний раз.

Вынырнув, я увидел встревоженную горностайку. Она металась по берегу, взволнованно тявкая.

— Плыви ко мне! — предложил я.

Мирка мгновение колебалась, а затем решительно плюхнулась в воду. Погрузившись с головой, она вынырнула и, отфыркиваясь, отчаянно замолотила лапками. Я протянул руку и достал ее из воды. Плавала горностайка плохо: где ей было практиковаться? В Руднике водоемов нет. Встав лапками на мою грудь, Мирка горячо высказалась по поводу охламонов, лезущих в мокрые места, затем отряхнулась и прилегла, закрыв глазки. Я последовал ее примеру. Ручей нам попался мелкий, вода — по колено нормальному человеку. Лежать на песчаном дне было приятно. Некоторое время я блаженствовал.

После Рудника Запасной мир казался раем. Чистый воздух, замечательная вода, трава, цветы, желтая звезда, так похожая на земное солнце... Я понимал, что это иллюзия, которая исчезнет при столкновении с обитателями планеты, но думать об этом не хотелось. Накупавшись до посинения, я выполз из ручья, надел протезы и занялся делом. Содрав кору с веток, сплел сумочку, в которую поместил свои сокровища, предварительно завернув их в лопух. Из коры соорудил лямку, получившую широкий погон. Когти у Мирки острые, и она здорово оцарапала мне плечо. Пусть лучше кору дерет. Горностайка, опробовав «погон», придумку одобрила. Еще я сплел фартучек, закрепив его на чреслах. Неизвестно, как местные относятся к наготе. Возможно, вид гениталий вызовет у них агрессию. Хорошо бы найти штаны, чтобы закрыть протезы. Они анатомические, но в глаза бросаются. Иномирное происхождение видно сразу.

Покончив с нарядом, я двинулся берегом. Ручьи текут в реки, а возле тех живут люди. Или кто у них там...

Запах я ощутил, прошагав пару километров. Остановившись, втянул ноздрями воздух. Сомнений не осталось, но я решительно двинул вперед. Что б меня ни ждало, опасности оно не представляло.

... Тела покрывали луг, сколько хватало взгляда. Битва, судя по всему, произошла недавно. Кожа трупов почернела, но пока не лопнула. Гора тел перегораживала ручей, и я порадовался, что пил выше по течению. Возле жуткой запруды образовалось озерцо. Волосы убитых колыхались в воде, как водоросли. Стараясь дышать ртом, я двинулся дальше, переступая тела и внимательно их разглядывая. Однозначно гуманоидная раса, внешне практически не отличимая от людей. Между собой воюют, впрочем, как и мы.

Судя по ранам, аборигены убивали друг друга холодным оружием. Попадались, однако, и павшие от огнестрела. Судя по входным и выходным отверстиям, стреляли из

крупного калибра. Это я определил, перевернув несколько тел. Неприятное дело, но Рудник отучил от брезгливости... Выходные отверстия от пуль встречались редко: стреляли из гладкоствола. Не удивлюсь, если из ружей с кремневыми или даже фитильными замками. Век шестнадцатый-семнадцатый по земным меркам. Более точное представление могла дать одежда, но ее не было: покойников раздели донага. Сделали это победители или пришлые мародеры — без разницы. Надежда добыть штаны исчезла.

Я выругался и продолжил путь. Маршрут менять не стал: нет нужды. Тела стали попадаться реже, вскоре и вовсе исчезли. Я шагнул в кусты, окаймлявшие поле битвы, и вдруг замер: повозка! Со сломанным колесом, покосившаяся на бок, она преграждала дорогу. Здесь тоже хозяйничали победители. Лошадей увели, оставив на мятой траве женщину, — мертвую, с раскинутыми ногами. Одежды на трупе не было. Не нужно быть следователем, чтобы понять: изнасиловали и убили. Насмотрелись мы подобного... Мародеры унесли все, даже содрали с повозки тент. Если бы сломанное колесо, укатили бы и повозку.

Я обошел находку и даже заглянул между колес. Грабители могли чего-то забыть. Счас! Ничего, кроме вытоптанной травы. Я выпрямился и вдруг замер: в повозке что-то не так! Поколебавшись, я присел и пригляделся. Дно заметно ниже пола. Двойное... Когда у повозки был тент, это не бросалось в глаза. Видимо, мародеры спешили...

Доски пола приколотили намертво. Добро в повозке прятали в попыхах или же надолго. Рассмотрев шляпки гвоздей, я покачал головой — без лома не обойтись. Ладно, пойдем другим путем. Ссадив Мирку на землю, я достал мультитул и отщелкнул пилку. Она легко вгрызлась в доски. Перепилив парочку, я отодрал их кверху. Остальные трогать не стал: повозка узкая, а руки у меня длинные. Спустя мгновение я стал обладателем сокровища. Женское платье из шерстяной ткани лилового цвета, две ру-

башки из беленого полотна, одна из которых — с кружевами по шейному вырезу. Пара шелковых чулок — одна голубого, другая красного цвета. Еще в тайнике нашлись сумка из прочной кожи, а в ней — разнообразные ленты, узкие и широкие, с узором и полосатые. Всю жизнь мечтал! А вот иголкам с нитками я искренне порадовался — то, что нужно. Самой ценной находкой оказались сапоги — короткие, чуть выше щиколотки. Гладкая подошва без каблука, широкие голенища. На протезы сапоги встали как влитые. Может, и жали, но углепластик не возражал...

Денег в сумке не оказалось совсем. Плохо. Вид монет может о многом сказать. Эпоха, состояние экономики, уровень технического развития, вид правления... Сетовать, однако, не приходилось: и без того повезло. Отпилив кусок доски, я соорудил из него лопату и выкопал рядом с повозкой яму. Перетащил в нее убитую и забросал землей. Мелкая благодарность, но хоть что-то. Кем была эта женщина? Почему оказалась у места сражения? «Маркитантка», — всплыло в мозгу. Имплант, получив запрос, покопался в базе и подобрал ответ.

Забрав добычу и Мирку, я вернулся к ручью. Пошел обратно вверх по течению, пока не исчез запах. Найдя походящее место, устроил привал. Я испачкался, кожу пропитал трупный запах, поэтому первым делом пришлось выкупаться. Мирка в этот раз наблюдала за мной с берега, в воду не полезла. Покончив с мытьем, я занялся делом. Отрезал у рубахи подол и подрубил край. Получилось в самый раз: идти не мешает и срам прикрыт. Обрезок полотна отложил про запас — не помешает. Натягивать чулки и подвязывать их ленточками я не стал. Протезы спрячешь, но вид будет специфический — в таком только в гей-клуб. Вторым делом я соорудил себе из обрезков носки. Накинув рубашку, я надел протезы, встал и повернулся к горностайке.

— Как?

Мирка фыркнула.

— Зато не голый, — наставительно сказал я и сел обратно. Разрезав платье по талии, выкроил из юбки штаны. Варианты подсказал имплант, я выбрал самый простой. Швы по наружной стороне, как у американских индейцев, только без бахромы. И работать игрой вдвое меньше, и между бедер не натирает. Вместо пояса приспособил ленточку, вместо гульфика — клапан на тесемочках. Простенько и со вкусом. Штаны вышли мешковатыми, зато не терли и не давили. Напуск на голенища сапог скрывал протезы. Мирка одобрительно стрекотнула.

— То-то! — сказал я. — Мастерство не пропьешь.

С курткой я попотел. Проблемой стали вытачки на груди. На рубашках их не было, а вот на платье — да. Его шили по мерке. Как быть? Оставить как есть? Тогда натягивай поверх штанов чулки и подвязывай их ленточками. Если косишь под гея, то будь последователен. Подумав, я убрал вытачки, соорудив на их месте карманы. А чё, удобно. Рукава я трогать не стал. Их втачали с защипами, ну и пусть. Может, мужики здесь так ходят. Сложив оставшееся тряпье в сумку, я позвал Мирку. Та шмыгнула внутрь, повозилась, устраиваясь, и одобрительно чирикнула.

— Вот и сиди! — сказал я, перебрасывая сумку через плечо.

Желтая звезда сползала к горизонту. Я вырезал палку и зашагал к лесу. Пора думать о ночлеге. Оставаться у побоища нельзя: набегут падальщики — погрызенные трупы я уже видел — кого-то потянет и на свежатинку. Обутые протезы не скользили по траве, шел я быстро. Хорошее место нашлось скоро. По краю поляны шла балка, там был ключ, а под деревьями рос мох — мягкий и пружинистый. То, что нужно. Подняв клапан сумки, я выпустил горно-стайку.

— Осмотрись!

Мирка тявкнула и скрылась в лесу. Я втянул воздух. Пахло хвоей и разогретой смолой. Имплант определил лес как кедровый и обрадовал насчет полезности воздуха для здоровья. Рай! Жаль, что это не могут оценить лежащие в поле...

У ручья я прихватил нужный камешек. Удар напильником выбил из него сноп искр. Сухой мох задымил, пламя скользнуло на тонкие, хрупкие веточки. Спустя пару минут костер пылал. Я сходил к ключу и напился. Холодная вода не приглушила голод, есть хотелось неимоверно. Сейчас бы и белковый концентрат сгодился. В Руднике мы видеть его не могли. Только где в Запасном мире взять концентрат? Автоматов по их выдаче не наблюдается.

Из-за ствола выскоцила Мирка и затанцевала, взволнованно чирикая.

— Веди! — насторожился я.

В лесу стоял сумрак, но беленькая шкурка Мирки служила хорошим ориентиром. Королевские горностаи не линяют, им это без нужды. Специально так сделали. Сразу видно — из благородной линии.

Идти было не далеко. Вскоре Мирка встала, и я разглядел во мху серый ком. Тушка зверька, еще теплая. Я поднял ее за уши и пригляделся. Обыкновенный заяц, даже упитанный. Мирка убила добычу, прокусив череп у затылка, — ее коронный прием. А вот притащить зайца не смогла — тяжелый.

— Молодец! — похвалил я подружку.

Мирка стрекотнула и взобралась мне на плечо. У ко-стра я освежевал зайца и протянул Мирке печень. Она вырвала ее из моих пальцев и, урча, стала поедать. В штольне Мирка убивала крыс, и я всегда давал ей печень. Остальное съедал сам... Тушка повисла на вертеле, выструганном из ветки. Зашипел капающий на угли жир, в воздухе одурающее запахло. Я не стал ждать, пока заяц изжарится. Придерживая ломти палочкой, срезал верхний, румяный

слой и, дуя на горячее мясо, обжигаясь, жевал. Парное, с соком, оно было невероятно вкусным. Я не заметил, как от зайца остались лишь кости. Обтерев жирные руки о мох, я сходил к ключу, где напился. Воротившись, растянулся на мягком мху, подложив под голову сумку. Протезы снимать не стал — не у себя дома. Хрен знает, кто из леса выползет. Мирка прыгнула мне на грудь, выгнула спину дугой и, задрав хвост, заскакала на прямых ногах. При этом она угрожающе чирикала. Генная модификация дала горностайке интеллект трехлетнего ребенка вкупе с его же игривостью. Вот ведь, непоседа! Я сдался и закрыл лицо руками.

— Боюсь! Боюсь!

Мирка вскочила мне на голову, потопталась по ней и победно застrekотала. Я раздвинул пальцы и глянул одним глазом. Горностайка чирикнула: дескать, можно. Я убрал руки. Мирка соскочила мне на грудь и зевнула.

— Сразу бы так! — сказал я, закрывая глаза.

2

Разбудила меня Мирка. Куснула за мочку уха, затем ее же лизнула. Горностайка словно извинялась: «Извини, но нужно». Я открыл глаза и сел. Имплант, проанализировав уровень освещенности, включил ночное зрение. Мрак поредел, но не рассеялся целиком: дешевый чип. А где в руднике взять дорогой? Спасибо, что хоть такой раздобыли. Присмотревшись, я разглядел: вокруг никого. С чего Мирка всполошилась?

И тут я услышал голоса. Они звучали в отдалении, слов было не разобрать: только — «бу, бу, бу». Затем донесся и пощекотал ноздри запах: непрошеные гости что-то жарили. Я взял сумку и открыл клапан:

— Сюда!

Мирка недовольно чирикнула, но юркнула внутрь. Не нужно обижаться, девочка, твоя шкурка в темноте, как фонарик! Я повесил сумку на плечо и осторожно двинулся на голоса. Мох глушил шаги, а ночное зрение помогало разглядеть сухие сучья под ногами. Осторожно переступая их, я шел на голоса. Вскоре между стволами мелькнули проблески пламени. Я подошел ближе и склонился за стволом.

Возле костра, горевшего посреди поляны, сидели пятеро мужчин. Пользуясь тем, что меня не заметили, я внимательно их рассмотрел. Незнакомцы были одеты в странные куртки с трапециевидными белыми клапанами на груди. В свете пламени по краям клапанов отчетливо виднелись желтые металлические пуговицы. Костер горел ярко, и я разглядел, что куртки на незнакомцах синего цвета, как и штаны, заправленные в высокие коричневые сапоги. На головах — широкополые шляпы, из-под них свисали на спины косицы. «Предположительно военная форма, земной аналог периода XVIII–XIX веков», — подсказал анализатор. То, что он прав, подтверждали плавно изогнутые рукояти пистолетов, торчавших за поясами трех мужчин. У всех имелись шпаги. В данный момент солдаты держали их в руках, сосредоточенно наблюдая за шипевшими на клинках кусками мяса.

Я пошарил взглядом по поляне. Неподалеку обнаружилась туша животного — то ли кабана, то ли иного похожего на него зверя. Мирка, привлеченная запахом, высунула мордочку из-под клапана.

— Прогуляйся! — разрешил я, открывая сумку. Опаться не приходилось. Ну заметят они Мирку, что с того? Погонятся? Так на кой ляд она им сдалась?

Горностайка, скользнув на мох, побежала к замеченной мной туше. Учуяла. Неужели не наелась? Я не стал ей мешать, присел у дерева и прислушался. Солдаты, жаря